

стрельцы и холопы и со псари и повеле палачам имать 100 князей, 100 бояр, 100 гостей болших именем по розписи и на плахи клонити. Людие московстии быша в велицей погибели, неведуще за какую вину. И схватиша преже гостяной сотни 7 гостей на плахах || сказниша. 8-го именем Харитона Белоулина взяв и невозмогша склонити, собою велик, черн власы, образом страшен и кричуще ко царю: «почто еси неповинную нашу кровь изливаеши!?». И з грубостию глаголя. И псари выскочиша пособити палачем и отсекоша ему главу. Глава же спряну от них и язык лепечуще спрядывает от земли. Труп же воста на ноги, нача трястися страшно. И збивая с ног его палачи и никако же возмогша стронить. Царь же усумнеся и страхом одержим и погна с своими холопы и со всеми стрельцы и псари за Неглинную, во свои царьские хоромы. Палачи же стоя недвижуще никого без повеления царева. И не много время, на 6 часу, от царских хоромов гонит скорый гонец || и кличет зычно голосом, шапкою машучи: «государь пожаловал!». Палачи же розпустиша пойманных всех князей и бояр и гостей и плахи спряташа и разыдошася все во своя дома, славяще бога. Труп же той трясущеся весь день и на 2-м часу нощи падоша. На утрие же мертвых телеса спряташа по повелению цареву.

своими служилыми людьми и со псари и повеле палачем имати сто человек князей, сто человек гостей больших и меньших, да сто человек бояр по росписки. Людья ж московстии в нечаянной погибели неведуще за кую вину сие бысть? И ухватиша палачи седем человек гостей на плахи и сказниша. Осмаго ж, именем Харитона Белоулина взяша, и не возмогша на плаху его склонити собою, понеже велик бе телом, черн власы, страшен образом, кричаще глаголя: «почто, царю, нашу || неповинную кровь, за которую вину изливаеши?». И со гневом царь и псари прискочи пособити палачем. И склониша его на плаху и отсекоша ему главу. Глава же отпряну от тела и языком летчуши спрядывая от земли. Труп же его вскочи на ноги и нача трястися страшно. И збиваху труп с ног палачи и никако не возмогша трупа свалити. Царь же усумнеся страхом одержим, погна на кони за Неглинную в царские полаты. Палачи же стояще никого без повеления царева на казняху. И не по многом времени, на шестом часу дни, от царских полат гонит гонец, кличет голосом зычно и шапкой машет, глаголя: «государь, царь пожаловал!». Палачи же розпустиша всех пойманных князей и бояр и гостей и плахи спряташа и разыдошася в дома своя радостны || труп оный Харитона Белоулина трясущеся на ногах весь день. И на втором часу нощи сам паде. На утро же по появлению цареву мертвых телеса спряташа.

Существенное отличие этого вида состоит в появлении здесь ряда поздних наименований. Вместо «Пожара» здесь уже видим «Красную площадь». Это наименование появилось, как известно, не ранее 1661—1662 гг.²⁶ Тем самым этот вид бесспорно датируется второй половиной XVII в. Еще более интересно то, что здесь в обоих списках появилась характерная ошибка, которой не могло быть и нет в повести москвича-современника: царь с площади уезжает в свой дворец за реку Неглинную. Дворец этот, как известно, был сожжен полностью в 1571 г. и больше не

²⁶ П. В. Сынтин Из истории московских улиц, стр 71